

Создание современного Среднего Востока

В 1989 г. Дэвид Фромкин в своей книге *“Peace to End All Peace”* писал: *«Средний Восток стал тем, чем он является сегодня, вследствие того, что европейские державы его изменяли [с 1911 по 1922 год] и что Великобритания и Франция не сумели гарантировать постоянство династий, государств и политических систем, которые они создали»*. Во время и после первой мировой войны Лондон и его союзники *«необратимо разрушили старый региональный порядок; они положили конец турецкому доминированию на арабоязычающем Среднем Востоке без всякой перспективы его восстановления»*. На его месте они *«основали страны, назначили правителей, прочертили границы»* и ввели систему государств по европейскому образцу, но не сломили значительную местную оппозицию этим решениям. Их действия во время первого империалистического конфликта положили конец *«европейскому средневосточному вопросу»*, но породили *«средневосточный вопрос»*.

По мере *«систематизации 1922 года»* была решена проблема османского наследства в его отношениях с европейскими державами, но не проблема его легитимности. Это наблюдение отсылает нас к арабо-израильским конфликтам начиная с 1947 г. и к возникновению *палестинского вопроса* – извечного национального предлога для регионального и глобального столкновения держав, а также других национальных вопросов, до сих пор нерешённых, например, курдского и армянского. Все три снова встали в повестку дня с началом сирийского конфликта в 2011 г., столкновениями в Нагорном Карабахе в 2020–2023 гг. и сегодняшней войной в Газе. Эти конфликты привёл в движение *кризис порядка*.

«Систематизация 1922 года» была результатом *слома* порядка, получившего выражение в первой мировой империалистической войне, хотя её предпосылки проявились начиная ещё с 1911 года в Балканских войнах и войне в Ливии.

От переписки МакМэхона к декларации Бальфура

Ключевые решения, принятые в ходе конфликтов в Палестине, Сирии и Турции, имели более широкие отголоски, хотя и были вторичным театром в плане военного противостояния. Вступление Османской империи в европейскую войну в октябре 1914 г., которое, по словам Фромкина, в течение *«всего ста пятидесяти дней»* привело к *«полному низвержению вековой политики Великобритании»*, являвшейся на тот момент первой мировой державой, можно резюмировать в трёх этапах.

Первым было проведённое Лондоном исследование о возможности использовать арабский национализм, чтобы разложить турецкую империю, – речь идёт о переписке высокого комиссара по Египту МакМэхона и аль-Хусейна ибн Али, эмира Хиджаза и шерифа Мекки и Медины. Эти контакты происходили с июля 1915 г. по март 1916-го, накануне англо-французского наступления на полуострове Галлиполи – операции, которая, по задумке Лондона, должна была быстро вывести Османскую империю из игры, поддержать союзника Россию и позволить выйти из тупика на Западном фронте. Вторым этапом были соглашения Сайкса – Пико, о которых Франция и Великобритания вели переговоры с ноября 1915 г. по март 1916-го. Они обозначали военные цели союзников в Османской империи – по сути, её раздел на сферы влияния Парижа, Лондона, Петрограда и Рима. Наконец, третьим этапом была декларация Бальфура в ноябре 1917 г., в которой Лондон выражал поддержку сионистскому движению и идее *«еврейского национального очага»* в Палестине.

Британская “третья империя”

Что касается Британской империи, все эти решения складывались в рамках диалектики отношений различных центров принятия решений и центров интересов, таких как Египет, Индия, Южная Африка, Австралия, а также внутри как минимум *«восемнадцати британских правительственных ведомств»* – от военных кабинетов до *Foreign Office*, от *War Office* до адмиралов *Colonial Office*. В 1917 г. *«арабистами»* и *«англо-египтянами»*, то есть представителями британского владычества в Египте, в качестве *«инструмента централизации»* было создано *«Arab Bureau»* (департамент арабских дел). В его обязательства и цели, как пишет Фромкин, после 1918 г. входил ряд мер по приведению в соответствие и к равновесию колониальных интересов в целом, внутреннего политического цикла, экономических условий и поддержание взятых обязательств.

В 1918 г. расширение Британской империи достигло апогея: к африканской империи и индо-тихоокеанской империи – «*крупной цепочке архипелагов*», удерживаемых Королевским флотом и британскими торговлей и финансами – добавилась «*третья империя*», то есть арабская (John Darwin, “*Les crises d’Orient*”, vol. II, 2019). Как пишет французский арабист Анри Лоран, это было также доминирование, «*навязанное британским моментом*» от Западной Азии до Индийского океана (“*Les crises d’Orient*”, vol. II, 2019). По мнению Фромкина, с 1919 г. по 1922-й Лондон находился в ситуации «*сверхэкспансии*», усугублённой демобилизацией и поствоенным экономическим кризисом. Великобритания была вынуждена прибегнуть к политике финансового *ретренчмента* и начала считать бременем помощь хашимитской династии и поддержку «*сионистской программы, к которой она решительно присоединилась в 1917 году*». Результатом стала необходимость применить такое «*решение на Среднем Востоке, в какое во многом она больше не верила*», хотя бы потому, что многие предыдущие решения «*начали жить собственной жизнью*».

“Джихад made in Germany” и сионизм в империалистическом противостоянии

Сионистское политическое движение, хотя и содержало религиозные черты, родилось как выражение светского национализма. Согласно замыслу Теодора Герцля, нужно было основать либерально-светское государство, в котором «*милитаризм будет заключён в стенах казарм, а раввины – в стенах синагог*». Поддержка, которую движение получило в Лондоне и в меньшей мере в Париже, сделала его *национальным предлогом*, использованным для различных целей в контексте конфликта. То же самое можно сказать и о поддержке арабского национализма и о помощи, которую все державы оказывали национальным меньшинствам и различным религиозным конфессиям в военных и политических интересах. С точки зрения истории, новинкой был лишь глобальный масштаб конфликта.

Как Фромкин, так и Лоран, подчёркивают: с 1870 г. ключевые европейские столицы помимо колониальной экспансии проявляли «*манию*» к панисламизму – феномену, присутствовавшему на всей протяжённости османского и исламского пространства, помещённого между Атлантикой и Центральной Азией. Великобритания, Франция и Россия, как пишет Лоран, являлись «*мусульманскими державами*», поскольку имели колониальных подданных-мусульман. Во время провозглашения англо-индийской империи в 1876 г. премьер-министр Бенджамин Дизраэли заявил, что Британская империя является «*исламской империей*»: в 1922 г. в подданстве у Короны была половина мусульманского мира. Тем не менее Османская империя, воплощая в себе халифат, то есть духовное лидерство в этом мире, была единственной «*ещё суверенной*» исламской державой: её суверенитет был признан Парижским миром 1919 г., которым закончилась Крымская война (1853–1856).

В том числе в качестве инструмента вмешательства в политику Ближневосточной Порты различные европейские державы заявляли о себе как о *державо-защитницах* входивших в её состав христианских меньшинств. Немецкое восхождение после 1871 г. и соперничество держав породило страх перед панисламской идеологией как инструментом влияния. Париж, как пишет Лоран, старался создать «*французский ислам*» через «*западный халифат*» в Марокко, учитывая прямое происхождение от Мухаммада, которым хвасталась династия Шерифов в Рабате. Против этого выступали представители французской колониальной партии в Алжире, а также «*сирийской партии*», представителем которой был Франсуа Жорж-Пико (1870–1951), ранее французский консул в Ливане.

Для Лондона сложностью были элементы соперничества с Россией в Центральной Азии и с Германией в османских владениях. С 1829 г., как пишет Фромкин, «*британская стратегия состояла в использовании нисходящих режимов в исламской Азии как гигантского буфера*», отделяющего Британскую Индию и Египет от русской угрозы – эта политика в первую очередь ассоциируется с фигурой Лорда Палмерстона. Двумя стратегическими эпицентрами служили Константинополь и Дарданеллы в Западной Азии и Афганистан в Центральной Азии. Правительства тори синтезировали эту стратегию в формуле поддержки «*турецкого бастиона*» против России.

Либеральные же правительства, особенно правительство Уильяма Ю. Глэдстоуна, продвигали *moralpolitik*, которая «*гневалась на деспотичные и коррумпированные*

средневосточные режимы». С 1880-го по 1885 г. правительство Глэдстоуна отказалось от «защиты Константинополя и влияния на него», подтолкнув его к поиску поддержки у бисмарковской Германии, которая «вытеснила Великобританию из Ближневосточной Порты». Последующие правительства консерваторов не сумели обратить это вспять.

Лондон, Каир, Шимла и “шайка пиратов”

Лорд Китченер, ставший героем Хартума в качестве командира англо-египетских войск, а затем главнокомандующий англо-индийскими войсками и министр войны в 1914 г., стал ориентиром “англо-египетского” течения в дебатах в Империи. Он продвигал стратегию поддержки арабских национальных требований для противодействия османам, создал «арабское царство» под защитой Британии, «сместив халифат на юг». В оппозиции к линии Каира находилось “англо-индийское” течение, представленное правительством в Шимле, летней резиденции британской имперской администрации в Индии. Результатом противостояния стала упомянутая выше переписка МакМэхона – Хусейна: эмир Хиджаза заявлял, что способен управлять антиосманским арабским движением. Согласно реконструкции Фромкина, Каир хотел верить в слова о том, что многочисленные секретные арабские общества, присутствующие в особенности в Дамаске, смогут посеять инакомыслие среди османских войск, однако в действительности этого не произошло. Несмотря на значительное число дезертиров после 1917 г., до 1918-го арабские войска оставались верны стамбульскому султану и режиму Младотурок, установившемуся в 1908-м.

Всё время переговоров, как добавляет Фромкин, Лондон, Каир и Хусейн обменивались «фальшивыми монетами»: Англия не была уверена в реальной силе эмира и уже имела договорённости с Францией по поводу Сирии; Хусейн, по сути, добивался субсидий от Лондона, Парижа и Константинополя и решил начинать восстание только в момент, когда понял, что османы хотят от него избавиться. С точки зрения Лорана, Франция опиралась не только на традиционных союзников из числа маронитов в Ливане, но и на сирийско-палестинскую офрануженную городскую знать, в глазах которой «бедуинская династия» Хашимитов была «недоразвитой» и «вторгшейся в Левант». Лондон, со своей стороны, считал хашимитский “традиционализм” удобным инструментом в отношении арабских крестьянских масс, а городские элиты – слишком французскими и, следовательно, «бесхребетными». С точки зрения “англо-индийцев” и *Foreign Office*, предпочтительным было сохранить халифат османской династии, который владычествовал бы над арабско-турецкой конфедерацией; согласно формуле Лорда Керзона, вице-короля Индии и министра иностранных дел Британии с 1919-го по 1923 г., это была бы «совокупность исламских государств» антирусского характера. В эту совокупность включалась также Персия, а во время Гражданской войны в России – ханства Центральной Азии.

Для Шимлы первостепенной военной целью являлось отделение османских провинций на территории современного Ирака, особенно провинции Басра, которую хотела заполучить Британская Индия. Согласно мемуарам Лорда Грея, либерального министра иностранных дел с 1916 г., дискуссии на Даунинг-стрит, 10, по поводу раздела османских владений «напоминали разговоры шайки пиратов» (D. Fromkin, *цит. пр.*).

В декабре 1916 г. с формированием правительства Дэвида Ллойд Джорджа, ранее министра войны, в Лондоне укрепилась линия “ориенталистов”, сторонников расширения военных действий против османов (линия “западников”, напротив, предполагала концентрацию сил во Франции). Лоран подчёркивает, что Ллойд Джордж не обманывался по поводу возможности вытеснить Германию со Среднего Востока, однако он считал, что этот военный театр не только предоставит больше территориальных приобретений, но и позволит «сохранить силы», чтобы получить больший вес в европейском балансе в момент мирных переговоров. Ллойд Джордж, набожный протестант, как и министр иностранных дел Артур Дж. Бальфур, считал, что Лондон предоставил слишком большие уступки Франции по соглашениям Сайкса – Пико и уж точно не мог уступить «Святую Землю безбожной и агностической Франции».

“Дверь надежды” Хаима Вейцмана

Фромкин пишет, что Марк Сайкс, человек с «бурной фантазией» и сильными антисемитскими предрасположениями, непостоянный и считавшийся «новичком в

дипломатии», особенно среди англо-индийских представителей, в начале 1917 г. познакомился с сионистским движением и посчитал, что поселение евреев в Палестине представляло бы наряду с арабским царством в Дамаске противовес французскому присутствию в Сирии. В Бальфуре же, как и многих представителях британского истеблишмента, пишет историк Лоренцо Камель, уживались глубокие антисемитские предубеждения и *«религиозный протестантский просионизм»: «спасение»* Палестины, то есть возвращение еврейства на библейские земли, помогло бы замыслу Мессии (*“Terra contesa”*, 2023).

Хаим Вейцман, химик английского подданства и глава британской организации сионистов, имевший крепкие связи с Сайксом, утверждал, что сионистское движение находило *«в антисемитах своих лучших друзей»*. Отношения Вейцмана и Сайкса фактически открыли перед британскими сионистами *«дверь надежды»* в лице *Foreign Office* Бальфура. Значимость сионистской карты в глазах Лондона и Парижа выросла в результате двух факторов: русской Февральской революции 1917 г. и американской позиции.

Мишель Абитболь (*“Histoire d’Israël”*, 2024) считает, что и Англия, и Франция полагали само собой разумеющимся *«сильное еврейское влияние»* на Белый дом и Конгресс. В особенности они, как и Россия, рассчитывали на *«еврейские банки Нью-Йорка»*, чтобы *«финансировать войну»*. Американские евреи, однако, отказывались от любой помощи Антанте из-за *«русского патологического антисемитизма»* и проявляли *«естественные симпатии к Центральным державам»*, откуда происходили *«многие руководители американского иудаизма»*. Они придерживались *«американского нейтралитета»* и благодарили Германию и Австрию за то, что те *«благоприятствовали евреям в Палестине»* в отличие от репрессивных действий Константинополя. Из-за своего русского происхождения палестинские евреи считались ненадёжными в глазах османских властей, которые до того уже устроили в 1915–1916 гг. жестокую резню армянского меньшинства, этническую чистку на грани полного уничтожения, поскольку считали его *«русской пятой колонной»*.

С 1914 г. в русские военные планы входила поддержка армянских, христианских и курдских восстаний против османского режима (Michael Reynolds, *“Shattering Empires”*, 2011). Лондон до 1920 г. тоже рассматривал эту возможность, рассчитывая создать на османских территориях наряду с еврейским и арабским также армянское и курдское независимые государства. Абитболь пишет: поддержка сионистского движения также считалась возможным инструментом влияния на *«еврейские революционные круги»* в России и предотвращения сепаратного мира с Германией. Менее известным является тот факт, что образцом для декларации Бальфура послужила декларация мая 1917 г. Жюль Камбона, генерального секретаря французского МИДа, согласно которой, Франция *«обязывалась помогать – через покровительство со стороны союзных держав – возрождению еврейского народа»* на землях, с которых *«он был много веков назад изгнан»*. Париж, где еврейское сообщество особенно поддерживало сионизм, считал *«циничной британскую игру»* по поддержке *«и евреев, и арабов»*, однако полагал важным *«удерживать Россию в войне»* и не видел преимущества в том, чтобы превратить сионистов, *«возможных будущих победителей»*, в *«непримиримых врагов»* на границе с французскими владениями в Леванте.

Бальфур представил британскую декларацию 2 ноября 1917 г. не Вейцману, а Лайонелу Уолтеру Ротшильду, который возглавлял английскую ветвь династии финансистов и был запоздалым сторонником сионизма. Заявление Парижа, как пишет Абитболь, нужно было в том числе и для того, чтобы сломить противников сионистского движения внутри лондонского правительства в лице Лорда Керзона и Эдвина Монтэгю (1879–1924), госсекретаря по Индии и лидера либеральной партии до 1916 г. Керзон считал, что переселение евреев нецелесообразно, потому что вызовет мусульманские протесты против Лондона; Монтэгю, сторонник ассимиляции евреев в британское общество, боялся вызвать подозрения в *«двойной национальной верности»* в ущерб диаспоре.

Османизм Бен-Гуриона

Лоран считает, что мировой конфликт вверг европейский сионизм, *«международное движение»*, в *«условия паралича»*, потому что его различные национальные компоненты были призваны на военную службу в своих странах, а также была осуществлена *«пропагандистская мобилизация в отношении нейтральных стран»*. В видении Сайкса,

сионизм мог служить «националистическим антидотом еврейскому интернационализму». Можно добавить, что режим Младотурок являлся выражением национализма внутри Османской империи; Лондон, напротив, считал его зависимым от международных еврейских финансов и масонства, что способствовало его пронемецкой ориентации (D. Fromkin, *цит. пр.*; S. McMeekin, *“The Ottoman Endgame”*, 2015).

Среди сионистов в Палестине присутствовали проосманские симпатии. Давид Бен-Гурион не только поддержал революцию 1908 г., прошедшую с многочисленными манифестациями в Иерусалиме, чем вызвал беспокойство турецких и палестинских общин сефардов, испуганных тем, что энтузиазм русских иммигрантов нарушит их пятивековое сожительство с османским режимом. Он также предложил создать еврейское ополчение, чтобы сражаться против англичан, занимаясь рекрутингом в Соединённых Штатах, где он поселился после того, как был изгнан из Палестины в 1917 году (Tom Segev, *“A State at Any Cost”*, 2019). Впоследствии, как и его главный политический соперник и основатель правого сионизма Владимир Жаботинский, Бен-Гурион решил вступить в Еврейский легион в Палестине, сражаясь бок о бок с англичанами в 1918 г.

Проосманская симпатия Бен-Гуриона основывалась на убеждении в том, что Германия выиграет конфликт и что сотрудничество с Константинополем позволит добиться еврейского поселения в качестве одной из «народностей» империи. Кроме того, австро-немецкие войска, продвигавшиеся вглубь польских территорий России, освобождали еврейское население от антисемитских мер Санкт-Петербурга. В царской армии служило более 400 тыс. солдат-евреев, на которых командиры смотрели с подозрением из-за их языковой общности с еврейским населением австрийской Галиции – идиша, лингва франка с немецкими корнями (Jeffrey Veidlinger, *“In the Midst of Civilized Europe”*, 2023).

Восхождение, упадок и переработка арабского национализма

Лондон опубликовал декларацию Бальфура 9–10 ноября 1917 г., то есть 2 дня спустя после взятия Петрограда большевиками; США вступили в войну в апреле; в декабре британские войска вошли в Иерусалим, сопровождаемые делегацией британских сионистов. Взятие города, названное Ллойдом Джорджем «рождественским подарком британской нации», обозначило конец османского владычества в Палестине. Английская финансовая помощь арабскому восстанию составила 11 млн фунтов, или примерно 1,3 млрд долл. по текущему курсу, она олицетворялась фигурой Томаса Э. Лоуренса, «Лоуренса Аравийского» на языке пропаганды союзников, «крупного казначея» Лондона при Хашимитах.

Палестинская кампания, пишет Лоран, имела вторичное значение для конфликта: Ллойд Джордж, «великолепный знаток психологии масс», воспользовался её «символическим значением», чтобы поднять британский боевой дух, в то время как английские войска в Европе перемалывались в кровавом сражении при Пашендале. Дамаск пал 1 октября 1918 г.: учитывая, что город сдался подразделению австралийской кавалерии, Лоуренс организовал его «притворное взятие» Хашимитами, чтобы позволить Фейсалу провозгласить себя королём Сирии. 30 октября в Мудросе Османская империя подписала перемирие. Фейсал был единственным представителем арабов, поучаствовавшим в Версальской конференции, чтобы получить поддержку держав-победительниц. Вейцман тоже присутствовал на ней – чтобы поддержать дело сионизма.

И Париж, и Лондон выступали против участия делегаций колониальных стран на мирной конференции, потому что принцип самоопределения народов, продвигаемый президентом Вильсоном и использованный в качестве оправдания войны Францией и Великобританией, противоречил их собственному колониальному владычеству. Таким образом, на конференции в Париже не было никакой палестинской делегации, которая хотела бы поддержать идею включения Палестины в «большую Сирию», номинальное арабское королевство Фейсала. Мнение арабов не имело веса при пересмотре соглашений Сайкса – Пико: на Палестину и Мосул заявил свои права Лондон, признавший французский контроль над Сирией и Ливаном.

Вопрос был урегулирован благодаря секретным соглашениям Клемансо – Ллойд Джорджа в конце 1919 г. и установлением мандатных режимов в Сирии и Палестине на конференции в Сан-Ремо в 1920 г. Это была вторая дипломатическая победа сионизма, учитывая, что в британский мандат перекочевали строки из декларации Бальфура. Лондон в 1918–1919 гг.

рассматривал возможность передать мандат над Палестиной США. Эта гипотеза не подтвердилась в связи с невступлением США в Лигу Наций и их изоляционистским выбором. По мнению Илана Паппе, израильского антиссионистского историка, американское отсутствие сделало из Лиги Наций *«англо-французскую креатуру»*: для арабов, в частности, палестинских, было невозможно добиться пересмотра британского мандата касательно поселения евреев, разве что если бы этого захотел сам Лондон (*“The Rise and Fall of a Palestinian Dynasty”*, 2010).

С июля по сентябрь 1920 г. Париж ликвидировал хашимитское арабское королевство в Дамаске и панарабские амбиции династии. В соответствии с *«систематизацией 1922 года»*, возложенной на Уинстона Черчилля, Лондон снова воспользовался Хашимитами при создании так называемых *«королевств династии Шерифов»* Ирака, Трансиордании и Хиджаза, из которых они были изгнаны в 1924 г., потеряв Мекку и Медину, которые достались их соперникам Саудитам. Отделив Палестину от Трансиордании, Лондон фактически создал территорию сегодняшних Израиля и Иордании и одно из измерений *“палестинского вопроса”*.

Май 2024 г.